

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПОЛНАЯ ПРОГРАММА
IV СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕЖВУЗОВСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И
ИСПИРАНТОВ СОЦИОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ

1 МАРТА 2012

СЕКЦИЯ

РУКОВОДИТЕЛИ

ОРГАНИЗАТОРЫ

IV СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕЖВУЗОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ «СОЦИОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ»

ПРИГЛАШАЕМ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ СЕКЦИИ

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: КОММУНИКАЦИИ, СООБЩЕСТВА, СМЫСЛЫ

Ключевые темы секции связаны с рассмотрением следующих аспектов формирования урбанистического пространства в современном городе: коммуникативные практики; вещная среда и социокультурные артефакты городского пространства; проблемы возникновения и существования городских сообществ; изучение городской среды знаково-символических комплексов; паблик-арт и публичная сфера городской жизнедеятельности; проблемы охраны культурного наследия.

Хохлова Анисья Михайловна, к.с.н., доцент кафедры социологии культуры и коммуникаций факультета социологии СПбГУ

Желнина Анна Александровна, к.с.н., доцент кафедры социологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ

Иконникова Наталия Кирилловна, к.с.н., доцент кафедры общей социологии НИУ ВШЭ (Москва)

Дмитриева Александра Владимировна, аспирантка, факультет социологии СПбГУ (Санкт-Петербург), alexandra.dmitrieva.uni@gmail.com

Иванов Петр Вадимович, магистр, факультет социологии НИУ ВШЭ (Москва) petr_ivanov_soc@mail.ru

Лазебная Ксения Павловна, аспирантка, факультет социологии НИУ ВШЭ (Москва) door123@ya.ru

ДИСКУТАНТ

Дмитриева Александра Владимировна,
аспирантка (СПбГУ, Санкт-Петербург)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ГОСТИ

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна, д.с.н., PhD, профессор
кафедры общей социологии НИУ ВШЭ, редактор «Журнала
исследований социальной политики» (Москва)

Мейлахс Петр Александрович, к.с.н, научный сотрудник Центра
независимых социологических исследований (Санкт-Петербург)

ДОКЛАДЧИКИ

Хохлова А.М. , к.с.н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Тыканова Е.В., аспирантка (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Гаражные войны в Петербурге: оспариваемые городские
пространства в ситуации правовой неопределенности**

Шманкевич Т.Ю., к.с.н., научный сотрудник лаборатории
СПбГУ НИИКСИ (Санкт-Петербург)

О релевантности школы и улицы

Мейлахс П.А., к.с.н, научный сотрудник Центра независимых
социологических исследований (Санкт-Петербург)

Однажды в гетто

Дмитриева А.В. , аспирантка (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Коллективные практики потребления наркотиков
как основа формирования современной городской коммуны**

Иконникова Н.К., к.с.н. (НИУ ВШЭ, Москва)

Символическое значение физических границ в пространстве города

Горячева А.А., аспирантка (НИУ ВШЭ, Москва)

Иванов П.В., студент магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)

**Формирование символической системы «порталов»
в современном городском пространстве**

Лазебная К.П., аспирантка (НИУ ВШЭ, Москва)

**Long-dated и up-to-date символы современной городской среды
как факторы поддержки социальной солидарности
в свете теории символического П.А. Сорокина**

Гаврилова М.К., студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)

**Производство коллективной памяти: публичная сфера
общественного движения (на примере МПО «Мемориал»)**

ДОКЛАДЧИКИ

Шаронова А.В., студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)
**Перформативная идентичность велодвижения:
практики репрезентации в публичном дискурсе**

Маркина В.М., студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)
**Самопрезентация людей, переживающих стигму, в городском
публичном пространстве: онлайн и оффлайн активизм**

Кульчицкая Э.А., студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)
**Протестное искусство как интерсубъективное коммуникативное
действие: аспекты инклюзии и мобилизации
в сообществе художников-активистов**

Чальий Р.С., студент магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)
Митинг как пространство публичной коммуникации

Хохлова Анисья Михайловна, к.с.н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
Тыканова Елена Валериевна, аспирантка (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Гаражные войны в Петербурге: оспариваемые городские пространства в ситуации правовой неопределенности

В докладе обсуждаются притязания акторов разного уровня (частных лиц, инвесторов, городской администрации, государства) на владение и распоряжение городскими территориями, а также их использование и контроль над ними в условиях перехода от советского общества к постсоветскому и драматического перераспределения различных форм капиталов.

Эти процессы рассматриваются нами на примере конфликта вокруг масштабного сноса кооперативных гаражных построек в Санкт-Петербурге, развернувшегося в 2005-2011 гг. Основываясь на материалах эмпирического исследования, мы демонстрируем, как все стороны конфликта апеллируют к правам собственности на гаражные боксы и занимаемые ими земельные участки, превращая эти права в основной инструмент оспаривания данных городских территорий. При этом сильные акторы используют формальное, юридически закреплённое определение собственности. Они указывают на то, что кооперативная собственность советского времени не подразумевала конвертирование объекта недвижимости в частную собственность. Однако их аргументация осложняется тем, что в России до сих пор сохраняется ситуация правовой неопределенности, которая проявляется, например, в коллизиях между гражданским и земельным законодательством, между публичным и частным правом.

Слабые же акторы в лице индивидуальных владельцев гаражей или их ассоциаций прибегают к расширительной, неформальной трактовке прав собственности, подтверждая свои притязания на гаражи такими аргументами, как давность использования, личные инвестиции в приобретение гаража, ежемесячные взносы правлению гаражных кооперативов и пр.

Таким образом, в ходе конфликта, разворачивающегося на оспариваемых территориях и в судах, собственность превращается в сложную совокупность отношений между владельцем территории и претензиями всех остальных на обладание этой территорией. В ситуации неопределенности прав собственности на гаражные строения и неоднозначного статуса земельных участков под ними права собственности проблематизируются и становятся «договорной категорией». Индикатором этого процесса является факт выплаты компенсации бывшим владельцам боксов за принудительный снос гаража, которая на всем протяжении конфликта в одних условиях назначается, в других – отменяется, в одних имеет рыночный эквивалент стоимости гаража, в других – нерыночный.

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

Шманкевич Татьяна Юрьевна,
к.с.н., научный сотрудник лаборатории СПбГУ НИИКСИ
(Санкт-Петербург)

О релевантности школы и улицы

Что объединяет школу и улицу в пространстве большого города? Как минимум, школьный адрес с указанием улицы, на которой учебное учреждение расположено. Есть ещё маршруты, которыми школьники добираются от дома до школы и обратно. Если в школе отсутствует собственный спортзал или спортивная площадка, школа в качестве таковых использует расположенные поблизости городские спортивные комплексы и стадионы.

На этом, как правило, «общее» обрывается и начинается то, что школу и улицу разъединяет. И главное тут не ворота, решетки, вахтеры, и вся пропускная система, продуманная из соображений безопасности таким образом, чтобы «чужому с улицы» в школу не пройти. Главный водораздел, как представляется, проходит через критерий релевантности «знания школы» и «знания улицы» жизненному миру школьника.

Школа репродуцирует формальное образовательное пространство, которое лишь косвенно пересекается с пространством реального города. Забывается очень важная истина, что безопасность - это не только заборы и решетки, это умение общения с людьми. Абстрактное школьное знание не релевантно пространству реальной жизни, поскольку не учит школьника тому, как жить в городе, как выстраивать коммуникацию с различными индивидами и с разнообразными социальными институтами.

Пока в самой концепции школьной системы релевантность жизни в обществе сводится к ориентации на узкую профессиональную подготовку учащихся, у школы практически нет шанса стать пространством актуального знания. Какие предпринимаются попытки, чтобы изменить ситуацию? Каким образом следует повернуть, в том числе, науку, чтобы ребенок, приходя в школу с улицы, не недоумевал, зачем все это ему нужно знать? Без ответов на эти вопросы вряд ли удастся достичь пространства взаимодействия школы и улицы.

Мейлахс Петр Александрович,
к.с.н, научный сотрудник Центра независимых
социологических исследований (Санкт-Петербург)

Однажды в гетто

В докладе рассматривается опыт пребывания исследователя в "проджекте" - демаркированном комплексе жилья для беднейших слоев населения (также известном под собирательным названием "гетто") в США. Краткообрисовываются понятия и история проджектов в Америке, приводится описание конкретного проджекта "Джангл", где работал исследователь. В презентации описываются ряд характеристик жителей проджектов, их хабитус, и основной вид экономической деятельности в проджекте (продажа наркотиков). Также обсуждается роль насилия в проджекте.

Кроме того, автор доклада приводит свой опыт этнографической деятельности в проджекте и реагирование на потенциально опасные ситуации.

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

Дмитриева Александра Владимировна,
аспирантка (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Коллективные практики потребления наркотиков как основа формирования современной городской коммуны

В современном обществе практики потребления наркотиков существенным стилистическим фактором жизни. Внутри разнообразно дифференцированной группы потребителей, потребление разных видов наркотиков формирует разные стили жизни, от субкультурно-протестного до привилегированного и богемного. Устойчивые социальные статусы сменяются «текучими» стилями жизни, а разные виды наркотиков придают им еще большую подвижность и «эластичность», позволяя потреблению определять неустойчивые, но, релевантные современному состоянию общества, социальные позиции. С другой стороны, потребление наркотиков организует вокруг себя отдельные сообщества, задавая стилистический характер их существования. В качестве примера рассматривается кейс мирной анархической коммуны, собравшейся и функционирующей как самоуправляемое сообщество молодых профессионалов, так или иначе участвующих в политической жизни города. Поводом для организации этой коммуны послужили не общие политические интересы, но совместно выращенный куст марихуаны, продолжающий собирать и объединять вокруг себя молодых активистов.

Иконникова Наталия Кирилловна,
к.с.н., доцент кафедры общей социологии (НИУ ВШЭ, Москва)

Символическое значение физических границ в пространстве города

Городскую среду можно рассматривать не только как архитектурный и предметный комплекс, но и как среду социального взаимодействия, компонентами которой выступают, в первую очередь, группы, сообщества, социальные институты и механизмы символического конструирования социальных проблем и категорий.

Таким образом, в центре анализа оказываются группы и сообщества, совокупности людей, коллективно занимающие какую-то территорию и непосредственно взаимодействующие, участвуя в совместной деятельности. Коммуникативные средства являются способом конструирования этих групп и сообществ, обозначая вовлекаемые в деятельность вещественные и энергетические ресурсы. Они призваны поддерживать социальное сцепление, контроль внутри группы, а также устанавливать ее границы и служить фильтрами для воздействий окружающей среды. Тем самым осуществляется действие контролирующих механизмов, основанных на распознавании и идентификации символическими средствами сигналов окружающей среды. Устойчивость как способность поддерживать свое собственное существование зависит,

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

таким образом, от самосознания, самоописания сообществом своего состояния.

Излагаемые теоретические положения выступают методологией исследования трансформации вещной среды г. Сочи в связи со строительством олимпийских объектов и в целом подготовки к зимней олимпиаде 2014 г. Собранные в ходе исследования визуальные и иные данные используются в докладе.

Вещная, предметная городская среда выступает как комплекс взаимосвязанных вещей, символически упорядоченных и составляющих условие социальных действий индивидов и сообществ. Выделяется несколько уровней конструирования вещной среды идентичности: а) фоновые повседневные практики; б) профессионализированные практики, выделенные особыми местами, временем, ситуациями исполнения.

Проблема взаимосвязи предметной среды и социокультурной организации имеет фундаментальный характер. Способы ее решения, выделение направлений детерминации и значимых факторов являются основанием для различения наиболее общих методологических подходов: экологический адаптивный детерминизм, экономический или культурно-материалистический детерминизм, символический интеракционизм. Современные интегральные теории пытаются отобразить взаимообусловленность природной, техногенной вещной и духовной среды, хотя современная наука по-прежнему не имеет средств для исчерпывающего комплексного описания процессов взаимодействия и взаимовлияния человеческих сообществ (и их социального структурирования), природной среды и культурных ценностей. Даже документирование этих взаимодействий, поскольку оно неизбежно зависит от опосредующих познавательных и инструментальных средств, является проблематичным.

Механизмы конструирования членства и идентичности сообществ и групп в городской среде могут быть рассмотрены с разных точек зрения. В то же время при аналитическом подходе важно вскрыть механизмы конструирования этих способов и придаваемые им значения – политические, нормативные, ценностные, аффективные, личностные и т.п. С этих позиций можно анализировать явные границы, маркированные различными объективированными способами: административные деления, историко-культурные границы (маркированные распространением языков, религий, обычаев), социально-экономические барьеры (обозначенные различными платами за пересечение/вхождение и дресс-кодами).

Однако важно рассматривать и латентные, не знаковые, но символические границы. Представляется, что подход к социальным системам в их различении от окружающей среды, сформулированный Н. Луманом, может в данном случае служить исходной позицией для интерпретации. Главный пункт, в котором он будет подвергнут ревизии – это допущение возможности существования множества обществ – социальных систем, – границы которых хотя и построены на латентном символическом различении, но стремятся быть явным образом маркированными, причем маркировка может как манифестировать символическое содержание, так и скрывать его, что не всегда в полной мере соответствует замыслу агентов, конструирующих границы, и тем более мало контролируется ими в тех случаях, когда возникновение и существование символических границ и их маркеров является непреднамеренным результатом действий многих социальных субъектов по обе стороны границы.

Рассматриваемый механизм включает конструирование различных типов членства и идентичностей, формируя противостоящие в разделяемом (в попытках разделить контролируемыми границами) пространстве. Конструирование в каждом случае означает, что некоторые факты социального

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

порядка тем или иным способом осознаются, оцениваются, эмоционально переживаются членами сообщества. Те из них, кто выступает как распорядитель символических ресурсов и способен при этом артикулировать свое понимание, оценки и социальные чувства, выдвигая определенные мнения, образы, лозунги, политические жесты, пытаются использовать их для сохранения или изменения позиции сообщества в окружающем социальном пространстве. Конструирование может быть как продуктивной (производительной) деятельностью, когда символические ресурсы являются знаками действительно существующих социальных связей и материальных (вещественных) объектов. Но оно может быть также и имитационной (виртуальной) деятельностью, когда символические ресурсы обозначают воображаемые объекты, идеалы, мистические опыты и пр. Имитация может быть как искренним заблуждением и верой, так и осознанной спекуляцией и лицемерием. При этом действующее лицо сознательно, целерационально, руководствуясь требованиями какой-либо светской или религиозной идеологии, набором формальных принципов и известных декларируемых норм, вступает в коммуникацию, транслирует и добивается принятия другими соответствующих этим идеологиям, нормам, принципам сообщений, и при этом осознает, что сам он за пределами данной коммуникативной ситуации их не разделяет, деятельно им не следует.

Одним из важных измерений современного городского пространства является его технический (технологический) уровень. Технически сложные (хотя, очевидно, для каждого этапа развития культуры и техники можно вводить собственные критерии «сложности») средства коммуникации могут быть уподоблены «троянскому коню»: внешняя «оболочка» из дизайна и демонстрируемых полезных свойств содержит значительный объем скрытой информации, касающейся ценностей, картины мира, норм, социальной организации, знаний, сублимированных и латентно встроенных в любой такой объект. Именно это порождает ситуацию, когда, по определению Ж. Бодрийара, вещи оказываются намного сложнее действий человека с ними и по отношению к ним. Можно выделить ряд исследований, раскрывающих особенности социального функционирования этого латентного ценностно-нормативного и знаниевого содержания.

Сама проблемная ситуация, когда технология рассматривается как «черный ящик» неявных знаний и смыслов, была зафиксирована в работах А. Аппадурои, К. Келлера. Современные технически сложные средства коммуникации (описываемые термином «high-tech») сублимируют в себе большой объем знаний, что предъявляет определенные требования не только к разработчикам, но и к пользователям.

Таким образом, использование коммуникативного и интерактивного подхода к анализу городского пространства позволяет рассмотреть его как поле символического напряжения, структурированного наборами символов, знаний, сообщений. Предметные, вещные, физические границы обретают смысл и легитимность только тогда, когда сообщества устанавливают символические (формальные и неформальные) механизмы их поддержания. Они наглядно (в форме открытого действия) воплощают социальные позиции, конфликты, противостояния.

Горячева Елена Анатольевна, аспирантка (НИУ ВШЭ, Москва)
Иванов Петр Вадимович, студент магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)

Формирование символической системы «порталов» в современном городском пространстве

Авторы доклада ставят задачу рассмотрения проблемы формирования и существования в современном городском пространстве «портальной» символической системы и ее влияние на формирование герметичных виртуальных сообществ. Проводится различие между терминами «портал», «портальная система» и «символ», «символическая система» с целью иллюстрации инструментальных свойств «порталов» в действии. В докладе также отмечается экономическая, техническая и технологическая детерминированность возможности использования «портала» в качестве инструмента перемещения в определенные области смыслов, описывается проявление социального неравенства в данной системе. Поднимается проблема городской управляемости, рассматриваются ее взаимосвязи с «портальной» системой. Выявляется роль технологий в возможности участия жителей города в перемещениях между областями смыслов с помощью символических порталов как формируемая извне способность. Раскрываются свойства герметичности формируемой системы «портальных» смыслов и сообществ, возникающих вокруг данных смысловых систем.

Лазебная Ксения Павловна, аспирантка (НИУ ВШЭ, Москва)

Long-dated и up-to-date символы современной городской среды как факторы поддержки социальной солидарности в свете теории символического П.А.Сорокина

Современная городская среда является сложным пространством, наполненным знаково-символическими комплексами, символическими проводниками различных социальных взаимодействий: начиная от архитектуры, дорожных знаков, указателей, рекламных вывесок, аудио-рекламы, скрытой рекламы, граффити, стикеров, машин и заканчивая внешним видом самих горожан. Основная задача доклада заключается в попытке выявления особенных свойств данных символических объектов с целью определения их в качестве факторов поддержки социальной солидарности городских сообществ.

Разрешение данной задачи позволит нам представить иллюстративный материал для описания теории символического П.А.Сорокина и значимых элементов его теории, которые связаны с анализом социальной символики и городской символики в частности. Каждый объект городской среды может быть интерпретирован как в связи с его доминирующим культурным кодом, так и в связи с объектами, окружающими его в пространстве.

Одним из главных условий поддержки социальной солидарности на микро-уровне, по мысли П.А.Сорокина, является схожая трактовка символических проводников социального взаимодействия. На макро-

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

уровне, уровне социокультурного единства, основным связующим звеном становится логико-смысловая интеграция элементов культуры.

Символические проводники способны не просто сигнализировать, обозначать что-либо, их функциональная составляющая связана, в первую очередь, со способностью аккумуляции, сохранения и передачи человеческой мысли, знания, коллективного опыта или чувства. Символ рождается в процессе социального взаимодействия, как посредник, и способен, преодолевая при этом пространственно-временные ограничения, участвовать в опосредованном взаимодействии между различными поколениями. Таким образом, формирование, накопление и передача человеческой культуры происходит благодаря символически опосредованному взаимодействию, и оно же, в свою очередь, становится одним из условий возможности существования и поддержания единства культурной суперсистемы, то есть наиболее «высшей» формы солидарности, ментального единства.

Таким образом, знаково-символические комплексы городского пространства способны рассказать о сообществе, чьим транслятором они являются и особенностях своей социокультурной интеграции в общей городской культуре. Уровень интеграции может быть различным и зависеть от доминирующих национальных социокультурных условий, имеющих свою историю. Поэтому, вводимая нами типология символических проводников (long-date и up-to-date символы) в дополнение к типологии символических проводников социального взаимодействия в теории П.А.Сорокина позволяет рассмотреть данную интеграцию и степень солидарности не только в срезе настоящего времени, но и в исторической перспективе.

Long-dated и up-to-date символика обладает различными свойствами наполняемости социальной памятью и функциями в передаче ценностей, норм, коллективного опыта и знаний между поколениями, в частности между поколениями горожан. Данные свойства зависят от уровня фетишизации символического проводника. Основными условиями поддержки групповой социальной солидарности в теории символического П.А.Сорокина являются: а) единая трактовка и эмоциональное переживание символических проводников в процессе социального взаимодействия; б) особое эмоциональное переживание фетишизированных символических проводников группы, что является условием поддержки уровня фетишизации данных проводников и, соответственно, группового объединения вокруг них.

В качестве иллюстративного материала предполагается использование: scrabbing надписей, стикер-арт, стикер-агитация, трафарет-граффити, трафарет-реклама, реклама на асфальте, «новые» городские знаки запрета, разрешения, ресурса («мобильный телефон», «Wi-Fi», «подвешенный кофе», «место сбора», «скидки», «видео-наблюдение» и т.д.).

Гаврилова Марина Константиновна,
студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)

Производство коллективной памяти: публичная сфера общественного движения (на примере МПО «Мемориал»)

Доклад посвящен анализу позиционирования общества «Мемориал» в публичном пространстве (выставки, конференции, круглые столы, конкурсы). Особое внимание уделяется рассмотрению активной политики памяти, которой придерживается общество «Мемориал» в концепции своих проектов и деятельности в целом. Автор анализирует возникающие трудности и рассматриваются другие акторы, с которыми осуществляется взаимодействие в политически острой плоскости. Автор уделяет особое внимание анализу позиции властных структур по отношению к тому, что «Мемориал» способствует инклюзии политически репрессированных тем в пространство публичной дискуссии. Наряду с этим, автором рассматривается конструирование коллективной памяти как социального капитала правозащитного общества «Мемориал», и других его составляющих.

Актуальность выбранной темы, с одной стороны, обусловлена отсутствием исследований в сфере деятельности МПО «Мемориал», с другой стороны, повышенным интересом СМИ и аналитических центров к различным аспектам социального капитала и коллективной памяти, как средствам воспитания активной гражданской позиции у молодого поколения.

Цель работы заключается в исследовании социального капитала и политики памяти правозащитного общества «Мемориал» посредством стратегии кейс-стади. Для концептуального определения социального капитала автор обращается к работам П. Бурдьё. Коллективная память анализируется, опираясь на работы Я. Ассмана, Е.Ю. Рождественской, В.В. Семеновой, М. Хальбвакса.

В работе представлены результаты проведенных интервью с сотрудниками общества «Мемориал» и результаты контент-анализа официального сайта. С помощью чего было выявлено, что организация позиционирует себя, как общественное движение, основная задача которого представляет собой триаду: работа над формированием исторической памяти; помощь конкретным жертвам репрессий и их детям; мониторинг ситуации с правами человека. Сотрудники считают, что социальный капитал «Мемориала» заключается в контактах и связях с партнерами, совместно с которыми осуществляются многие виды деятельности; уникальных архивных данных; социально значимых проектах. Автором было выделено, что сотрудники считают трагическое прошлое не только источников консолидации народов, но и почвой для их сближения. «Делать все, чтобы собранная нами информация не осталась мертвым грузом, чтобы память о терроре стала частью общественного сознания», – говорится на сайте «Мемориала». Национальная политика памяти, строиться в первую очередь на осознании, освоении именно трагического прошлого, объединяющего сильнее всего. Общество понимает, что без содействия властных структур превратить многие проекты в «политику памяти» невозможно. Но при этом отмечено существование сдерживающих факторов при реализации проектной деятельности и политик памяти в стране. «Мемориальцы» говорят: «...все попытки вычленив из нашего прошлого какой-то связный сюжет (государственный, революционный, репрессивный и т.д.) разбиваются о непреодолимое препятствие – отсутствие консенсуса», имеется в виду с

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

властными структурами. Однако главная причина нынешней слабости «Мемориала» заключается, по-видимому, в том, что идея покаяния, популярная в 90-е годы, сменилась идеей «гражданской ответственности». Которую, по мнению «мемориальцев», должен добровольно принимать на себя «каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества, за деяния, совершаемые от имени этого сообщества» - написано на официальном сайте «Мемориала». В настоящее время властные структуры не «слышат» мнение «мемориальцев» относительно политики памяти, закрывая данную тему.

Социологический интерес к феномену памяти с позиции «настоящего» продиктован поиском механизмов, поддерживающих социальность. Память о прошлом необходима для социального взаимодействия, поскольку она, в качестве культурно-обработанного продукта, закладывается в представление о «должном» характере социального действия. История сегодня вновь используется государством как средство пропаганды. По мнению «Мемориала», новая государственная идеология предлагает не критиковать и не анализировать прошлое, а гордиться им.

Социологическое исследование выполняется в качественной методологии, в рамках стратегии кейс стади. Исследование проводится на базе Международного правозащитного общества «Мемориал». Методами исследования выбраны - участвующее наблюдение, экспертное интервью с сотрудниками правозащитного общества.

Шаронова Арина Викторовна, студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)

Перформативная идентичность велодвижения: практики репрезентации в публичном дискурсе

Данное исследование сфокусировано на изучении велодвижения в России как общественного проекта. Под велодвижением в настоящем исследовании подразумеваются свободно организованные ассоциации, группы и сообщества, действующие совместно в публичном дискурсе в неинституционализированной форме для того, чтобы произвести изменения в обществе.

Объектом исследования выступает велодвижение как общественный проект.

Предмет исследования аспекты перформативной идентичности

Цель настоящего исследования: выявить практики репрезентации в публичном дискурсе.

Основной исследовательский вопрос звучит так: какими способами велосипедные сообщества позиционируют и репрезентируют себя в публичном дискурсе в контексте города?

В докладе представлены результаты анализа данных серии качественных интервью с участниками велодвижений: ВелоСамара, ВелоПитер, Let's bike it, ВелоТверь, Караван, - которые демонстрируют, что общественные движения как кампании включают в себя сменяющиеся друг друга социальные практики перфомансов и демонстраций, с помощью которых участники - активисты предъявляют коллективные требования властным общественным структурам. Например, рассматриваемый объект - велообщество в лице своих участников - предпринимает некие шаги для изменения действительности в виду того, что окружающая действительность - город - не соответствует представлениям о том, каким должно быть пространство для комфортного существования данного сообщества. Э. Гидденс замечает, что противоречивая и во многом

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

неустроенная городская среда стимулирует возникновение разнообразных социальных движений и общественных инициатив.

Велодвижение существует непосредственно в контексте городского пространства, репрезентируя себя в публичном дискурсе. В этом заключается его перформативная сущность: в конституировании себя через действия участников. На основании концепции мобилизации ресурсов Ч. Тилли сформулировано теоретическое представление об объекте исследования – общественном движении велосипедистов. Обладая, в терминах Ч. Тилли, «репертуаром» («дисплеем») действий, который реализуется в виде общественных встреч, протестных акций, флешмобов, митингов, и др., в рамках велодвижения благодаря активистам происходит мобилизация ресурсов.

Согласно концепции Тилли, «репертуар» («дисплей») действий стабилен для общественных движений в рамках определенного исторического периода. Развивая эту мысль Тилли, Костюшев В. В. замечает, что ему можно научиться, его можно репетировать, совершенствовать и исполнять как пьесы театрального репертуара¹. Мобилизация ресурсов в рамках «дисплея» происходит благодаря активистам, которые составляют организационное ядро общественного движения.

Заимствуя у Тилли интересную аналогию между «программой» избирательных кампаний и «программой» общественных движений, находим, что участие в социальных движениях является триггером к проявлению гражданской позиции индивидов, которые не мотивированы к этому иначе. Тилли подчеркивает, что в основе функционирования общественного движения лежит модель WUNK – это согласованные общественные представления:

- важности (*worthy (-iness)*),
- единства (*unity*),
- численности (*numbers*)
- и обязательств (*commitments*) со стороны самих участников и/или тех, кого они представляют². Сеть личных знакомств, общие практики – «покатушки», общение на форумах, - позволяет говорить о действительном существовании «общности байкеров», которая, вместе с тем, не является целостной гетерогенной структурой³. Амбивалентность велосипедного сообщества в России является, в том числе, следствием неразвитой дорожной инфраструктуры и еще формирующейся идентичностью. Подчеркивается, что эти элементы в некоторой степени могут компенсировать и уравновешивать друг друга (например, высокая социальная значимость движения может позволить ему быть относительно малочисленным. Однако, если один из этих 4х компонентов проявляет себя как дисфункция (публичная демонстрация внутреннего «раскола» или провал акций), то таким образом дискредитируется общественное движение в целом. Действуя в рамках данной модели по сценарию «цель оправдывает средства», такие движения имеют специфическую диффузность; мобилизация ресурсов происходит ввиду необходимости действовать сразу на нескольких аванценах: снискать поддержку властей, обеспечить средства к существованию противникам существующего режима, осуществлять прямые действия. Вот почему общественные

¹ Костюшев. В. В. Коллективные действия как предмет западной социологии общественных движений: концепции, методы, проблемы // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию М.: ИС РАН, СПбФ, 1999.

² Tilly C. Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions – Local, National, and International – Including Identities // Tilly C. Theory and Society, Vol. 27. №4. Special Issue on Interpreting Hystorical Change at the End of the XX Century. С. 467.

³ Халикова В. Р. Мир вокруг экстремального велосипеда // Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 267.

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

движения в терминах Тилли представляют собой некоторые соглашения - это «не сольные выступления - перформансы», а процесс взаимодействия между агентами (организациями)⁴.

Мобилизация ресурсов – это отличительная особенность движений, отличающая их от институциональных структур, обладающих постоянными ресурсами, поскольку общественные движения должны постоянно бороться за ресурсы в конкуренции с другими организациями. При этом, нам интересен перформативный ракурс существования велодвижения, поскольку конституирование самого себя через действия участников – это часть социального капитала, которым обладает исследуемое общественное движение.

Прежде всего, триггером проявления себя в публичном пространстве для общественных движений является их конфликтной природа: они существуют в контексте возможного или действительного противостояния с властью (или другими политическими субъектами). Ч. Тилли формулирует определение *общественного движения* как повторяющегося ряда взаимодействий между представителями власти и индивидами, которые выступают от имени социальной группы, не имеющей представительства в институциональных структурах с требованиями изменения властных порядков, подкрепляя свои требования публичными демонстрациями массовой поддержки⁵. Заметим, что общественные движения возникают при определенных исторических предпосылках, состояние общества в момент которых становится ресурсами движения, при этом, эти ресурсы необходимо выявить и научиться их использовать, то есть мобилизовать. Продолжая рассуждать в терминах «драматургической» теории, Тилли подчеркивает, что успех общественного движения зависит от двух видов так называемых мистификаций. Во-первых, существует допущение, что согласованные общественные представления важности (*worthiness*), единства (*unity*), численности (*numbers*) и обязательств (*commitments*) со стороны самих участников и/или тех, кого они представляют, всегда обязательно вступают в противоречие друг с другом. Поэтому настоящая работа организаторов ОД состоит в регулярном поддержании чувства единства временных коалиций; ведении переговоров с их участниками по поводу многочисленных вопросов на повестке дня, чтобы заручиться общественной поддержкой в своем коллективном действии; выработке тактик уменьшения рисков, и сверх того – в скрытии закулисья борьбы от общественного взгляда⁶. Вторая мистификация, необходимая для успешности продвижения общественного движения заключается в том, что его активисты стараются презентовать себя и других участников как солидарную группу, желательно с долгой историей и с логикой существования, лежащей за пределами инструментальных действий. Поэтому феминистки идентифицируют себя с борьбой за права всех женщин старшего возраста в повседневной жизни, в то время как энвайроменталисты представляют себя как сообщество, репрезентирующее все человечество. Другими словами, общественное движение – это перформанс, постоянная работа по позиционированию себя в глазах других участников общественной жизни (власти, контрагентов, противников).

⁴ Tilly C. Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions – Local, National, and International – Including Identities // Tilly C. Theory and Society, Vol. 27. №4. Special Issue on Interpreting Hystorical Change at the End of the XX Century. C. 468.

⁵ Tilly C. Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions – Local, National, and International – Including Identities // Tilly C. Theory and Society, Vol. 27. №4. Special Issue on Interpreting Hystorical Change at the End of the XX Century. C. 456.

⁶ Tilly C. Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions – Local, National, and International – Including Identities // Tilly C. Theory and Society, Vol. 27. №4. Special Issue on Interpreting Hystorical Change at the End of the XX Century. C. 469.

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

Таким образом, общественные движения представляют собой «перформансы»: они транслируют коллективные требования к власти от имени своих участников. Типичные «перформансы» включают в себя создание организаций с определенными целями, лоббирование своих интересов через чиновников, общественные собрания, демонстрации, марши, петиции, сообщения в СМИ, ношение знаков отличия и тщательно спланированные слоганы. В то время, как относительный вес этих социальных практик участников движений варьировался в значительной степени от движения к движению, эти элементы сосуществовали с раннего XIX века.

Маркина Валерия Михайловна,
студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)

Самопрезентация людей, переживающих стигму, в городском публичном пространстве: онлайн и оффлайн активизм

Доклад посвящен анализу коллективных и индивидуальных практик дестигматизации в офлайн и онлайн пространствах социального взаимодействия, направленных на преодоление социального исключения, на примере изучения практик агентов – носителей стигматизированной идентичности (сообщество людей с инвалидностью, ЛГБТ-сообщество). Теоретический анализ процессов конструирования и деконструирования стигмы, формирования идентичности сообщества (*И.Гофман, Г. Блумер, Т. Шекспир, «медицинская» VS «социальная» модели инвалидности, И.Кон, Ф. Мондитор, А. Джагоз и «квир-теория»*) дополнен описательными иллюстрациями конкретных практик взаимодействия, полученных эмпирическим путем в ходе case-study (деятельность Региональной общественной организации инвалидов «Перспектива» (Москва) и ЛГБТ-сообщество г. Томска). Было проведено сравнение по следующим критериям: процесс формирования идентичности; стратегии презентации идентичности (публичные и частные). Анализ указанных активностей помог выявить специфику, определенные барьеры реализации практик и участия, как для самих представителей сообществ, так и для людей «извне».

Кульчицкая Эльвира Александровна,
студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)

Протестное искусство как intersubjective коммуникативное действие: аспекты инклюзии и мобилизации в сообществе художников-активистов

С середины 2000-х гг. в России получили широкое распространение разнообразные театрализованные формы протеста – флешмобы, хэппенинги, перформансы. В крупных городах образуются арт-группы, являющиеся инициаторами такой деятельности (например, в Санкт-Петербурге – «Affinity Art Group», в Краснодаре – «ЗИП», в Новосибирске – «Бабушка после похорон», в Москве – «Агенда»). Их творческая и политическая активность часто стоит на грани нарушения норм и законов и представляет оппозицию существующему режиму, из чего вытекает особое внимание и отношение к ним со стороны властей и общества. Аресты участников протестных арт-групп («Война», «Бабушка после похорон»),

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

эмиграция с целью скрыться от правоохранительных органов (А. Плущер-Сарно, О. Мавромати) – реальные последствия их деятельности, которые сегодня активно обсуждаются в публичной сфере (на Интернет-порталах, в блогах и социальных сетях, в СМИ, на пресс-конференциях и круглых столах и т.д.).

Протестное искусство по сути своей публично. Оно находит выражение в общественных пространствах, реже – в музеях и галереях. Принимая разные формы (перформансы, инсталляции, плакаты, изобразительное искусство и т.д.), протестное искусство оставляет неизменными свои цели – привлечение внимания общества к существующей социальной проблеме и попытка оказать влияние на ее решение. Протестное искусство представлено сетью сообществ, а также отдельными художниками, многие из которых вовлечены в глобальное международное сотрудничество.

Выступление на конференции посвящено анализу феномена протестного искусства в аспекте особенностей выстраивания отношений между художниками-активистами (объединение в арт-группы, общественные движения). В данном исследовании протестное искусство рассматривается как продукт коллективной деятельности (на основе теорий Г. Беккера, Г. Кестера, Т. В. Рида и др.). Основной гипотезой выступает тезис о том, что современное российское протестное искусство ориентировано на взаимодействие именно в сообществе и фокусирует внимание на организованных проявлениях активности, поэтому становятся важными вопросы инклюзии, идентичности, норм и ценностей, координации действий, наличия определенной структуры и ресурсов, а также особенности интеракции художников-активистов и других участников сообщества и оказываемого в этом процессе влияния друг на друга. Такое сообщество может образовываться на основе территориальной близости, общих политических интересов, гендерной, классовой и прочих идентичностей.

Теоретическую базу исследования составляет анализ научной литературы по социологии искусства, культурной политике, истории протестного искусства, художественного активизма, на основании которой раскрываются указанные выше аспекты, классифицируются подходы к анализу и оценке изучаемого объекта.

В частности, было выделено четыре подхода к анализу протестного искусства, каждый из которых включает в себя концепции нескольких авторов. Это, во-первых, рассмотрение социально-политической значимости искусства как такового и протестного искусства в частности (Дж. Пол, Г. Маркузе, М. Фуко, М. Л. Мюллер, Ж. Рансьер). Во-вторых, анализ искусства как коллективной деятельности, как сообщества художников (Г. Беккер, Г. Кестер, Т. В. Рид, Дж. Гонсалес и А. Познер) – именно этот подход будет представлен в рамках выступления на конференции. Последние два подхода представляют оппозицию взглядов отечественных авторов, рассуждающих о современном протестном искусстве в России (С. Соловьев, М. Лифшиц, Б. Гройс – с критической позицией, Б. Фирсов, А. Зайцева, А. Эпштейн и О. Васильев, А. Ерофеев – с выражением поддержки и признанием значимости деятельности художников-активистов).

Ряд авторов, анализируя феномен протестного искусства (или искусства вообще), исходят из тезиса о том, что это всегда продукт коллективной деятельности, обосновывая важность изучения художников-активистов и их творчества в терминах коллективного действия, общественного движения, сообщества.

Говард Беккер пишет о социальной природе искусства как такового: оно «создается сетью людей, действующих коллективно в рамках принятых

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

или вновь разрабатываемых ими конвенций»⁷. Беккер утверждает, что практически любое произведение искусства, которое представляется вниманию публики, создается и распространяется сетью скооперировавшихся для этого людей. Коллективное творчество, опирающееся на определенные соглашения, позволяет экономить, время, энергию и другие ресурсы в процессе разработки идеи, ее воплощения и распространения.

Важность и преимущества искусства как коллективной деятельности рассматривает и американский теоретик Грант Кестер, подчеркивающий, что это процесс диалога, обмена и сотрудничества. Если художники-активисты действуют не обособленно, а как соучастники, глубоко вовлеченные в заботы и интересы сообщества, с которым они работают, это делает их творческую деятельность более мощной и эффективной.⁸

Американский исследователь Т. В. Рид среди основных функций, выполняемых включением искусства в деятельность общественных движений, выделяет поддержку (индивиды чувствуют силу группы), наделение властью (индивиды ощущают также собственную силу и ответственность), гармонизация (нивелирование возрастных, классовых, этнических различий), внешнее информирование (выражение групповых ценностей и идей на публике – для потенциальных членов движения, оппонентов и просто наблюдателей). В этих функциях отражен социальный характер самого активистского искусства – основное внимание уделяется особенностям именно коллективной деятельности.

В эссе «Фактура для изменений: активистское искусство США с 1950 г.» американские исследовательницы Дженнифер Гонзалес и Адрианна Познер пишут о том, что решающим поворотным пунктом в деятельности художников-активистов в 50-х годах стало изменение понимания места художника: от изолированного самостоятельного художника к художнику как члену социальной и экономической сети⁹, поэтому становятся важными вопросы саморепрезентации, идентичности, чувства наделения властью, а также особенности интеракции художников-активистов и других участников сообщества и оказываемого в этом процессе влияния друг на друга.

В нашем исследовании используется качественная методология – полуформализованное интервью с художниками-активистами. На основании проведенных интервью можно сделать следующие промежуточные выводы (на данный момент сбор интервью продолжается). Художники, в отличие от политических активистов, в своем протесте не выдвигают прямых требований, используя скорее иронический косвенный намек на несправедливость, абсурдность существующей ситуации. Таким образом, первичной для художника является задача «открыть глаза» обществу на определенную проблему, изобразить ее, вывернуть наизнанку разрушительный смысл того или иного актуального явления, используя яркие художественные образы. В качестве таких художественных образов и форм чаще всего используются митинги и пикеты с элементами перформанса, а также музыкальные концерты, выставки, собственно перформансы.

Одним из аргументов в пользу понимания протестного искусства как интерсубъективного коммуникативного действия является описание информантами подготовки к художественным акциям протеста, которая занимает довольно длительный период времени, берущий начало от зарождения образа в сознании художника как реакции на какую-либо

⁷ Becker H.S. Art as a collective action // *Sociology of art: a reader* / Edited by J. Tanner. London: Routledge, 2003. P. 94.

⁸ Kester G. H. Ongoing negotiations: "Afterimage" and the analysis of activist art // *Art, activism, and oppositionality: essays from Afterimage* / Edited by G. H. Kester. Durham: Duke University Press, 1998. P. 15.

⁹ Gonzalez J., Posner A. Указ. соч. P. 217

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

ситуацию. Затем идея подробно обсуждается в группе в рассмотрении ее со всех сторон, чтобы понять, насколько она интересна, актуальна, обдумываются все детали, все варианты, определяются участники акции и ее координаторы, только затем акция проводится.

Сегодня практически единогласно все придерживаются мнения о важности документации акций для ее дальнейшего распространения в масс-медиа. В этом заключается т.н. медиа-активизм: присутствие непосредственных наблюдателей отходит на второй план, главное – широкая аудитория, которая достигается именно путем трансляции в СМИ, блогах, социальных сетях и т. д. Художники-активисты ориентируют свои действия на три социальные категории: власть, интеллигенция и широкие слои общества. Власть в данном случае выступает «мишенью», объектом критики. Общество – аудиторией, которая должна воспринять сигнал и осознать проблему и необходимость ее решения. А интеллигенция – как бы референтной группой, от которой ожидаются поддержка и солидарность.

Художники-активисты склонны объединяться в творческие коллективы – это группы, разделяющие определенные ценности, на основе которых и строится совместная деятельность группы. Помимо множества отдельных коллективов, сформировано глобальное художественное сообщество, включающее в себя эти группы. По мнению информантов, можно говорить о таком сформировавшемся сообществе на постсоветском пространстве (крупные города России плюс Киев и Ереван). В нем существует налаженная внутренняя коммуникация благодаря социальным сетям и современным средствам связи вообще, достаточно высокий уровень солидарности и уважения, что проявляется в поддержке, оказываемой репрессированным художникам (здесь важно упомянуть, что это может не ограничиваться рамками постсоветского пространства, ярким примером является ситуация с арестом участников арт-группы «Война», в поддержку которых выступил британский художник Бэнкси, а также активисты Израиля, Франции и т.д.).

К. Клеман анализирует новые социальные движения России в лице «новых профсоюзов», гражданских объединений, коалиций общественных организаций, региональных и межрегиональных сетевых структур, левых молодежных коалиций. Критерии, выделяемые автором для определения новых социальных движений, позволяют отнести протестных художников в эту категорию (опираясь на данные интервью и информационные материалы о деятельности российских художников-активистов).¹⁰ К этим критериям относятся следующие: слабая формальная иерархия; большая роль неформальных лидеров; слабая формализация организаций; сетевой принцип организации (слабо обязывающие взаимоотношения между членами, возможность обезличенного участия через новые информационные технологии, и в первую очередь через Интернет); мобилизация ресурсов разного типа, где связи, знание, культурная идентичность, индивидуальная субъективность и ценности играют преобладающую роль; широкий круг обсуждаемых проблем (плюрализм интересов); открытость и готовность к сотрудничеству с другими организациями или сетями

Итак, проанализировав работы теоретиков в области социологии искусства, а также имеющиеся на данный момент материалы интервью, можно подвести некоторые итоги. Рассмотрение протестного искусства с точки зрения организованной деятельности сообщества художников-активистов позволяет выявить преимущества такой коллективной работы и большую эффективность, в сравнении с деятельностью обособленного художника. В кооперации за счет разделения труда экономится масса

¹⁰ Клеман, К. Появление социальных движений нового типа в России [Электронный ресурс] / К. Клеман. – «Коллективное действие». – Режим доступа: <http://www.ikd.ru/node/94>. Дата обращения к ресурсу: 26.02.2011.

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

человеческих и материальных ресурсов, моральная поддержка придает уверенности членам коллектива, расширяются возможности для распространения своих идей и продуктов творчества в обществе. Кроме того, в соответствии с критериями, выделяемыми для определения новых общественных движений, сообщество художников-активистов можно отнести к этой категории: наличие общих интересов и целей, объединение для совершения коллективного действия ради их достижения, активная коммуникация внутри сообщества и с внешней средой, особенности организации (слабые формализация и иерархия, сетевой принцип).

Чалый Роман Сергеевич,
студент магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва)

Митинг как пространство публичной коммуникации

Доклад посвящён анализу митингов как публичного пространства социальной коммуникации. По мнению автора, исторические корни митинга как поля публичной политики имеет корни, восходящие к агорам античных полисов и площадям средневековых городов-республик. Именно там реализовывалась ключевая функция публичной политики – обсуждение ключевых вопросов социального общежития и коллективного принятия решений по этим вопросам. Однако в последние годы митинг как пространство публичной коммуникации претерпевает трансформацию, что связано в первую очередь с изменением семиотического поля городского ландшафта и развитием электронных коммуникаций. В частности, одной из наиболее актуальных тем в научных исследованиях стало влияние социальных сетей на мобилизацию людей для участия в протестной деятельности. По мнению автора, мобилизация является одним из важнейших, но далеко не единственным элементом, в котором пересекаются виртуальная коммуникация и митинг как социальный процесс. Сама процедура подготовки к митингу является значимым медиасобытием – работа комитета по его подготовке транслируется онлайн, интернет-СМИ рассказывают о событиях, связанных с его организацией, блоги пестрят обсуждениями предстоящего события. Сам митинг освещается посредством огромного количества каналов коммуникации – твирепортажей, онлайн-трансляций, участники обсуждают события, происходящие вокруг, выкладывают фото и видео в режиме реального времени. Таким образом, сам митинг, как сложный коммуникативный процесс оказывается погружённым в более широкий контекст интернет-коммуникации.

Из этого вытекает **исследовательский вопрос**: какие формы приобретает взаимодействие митинга как узла коммуникативных практик с различными ресурсами интернет-пространства (социальными сетями, блогами, интернет-журналами)?

Исследование, которое легло в основу доклада, проведено на кейсах митингов «За честные выборы!» на Болотной площади 10 декабря 2011 года, на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 года и 4 февраля 2012 на Болотной площади в Москве.

В качестве источников использовались материалы, полученные во время включенного наблюдения, а также материалы, из сети интернет – социальных сетей «vkontakte», «facebook», «twitter», записей в Живом Журнале, а также материалов информационного агентства «РИА Новости»,

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

радио «Эхо Москвы», портала «Slon.ru», телеканала «Дождь», агентства гражданской журналистики «Ридус», газет «Коммерсант» и «Ведомости».

В качестве теоретической основы исследования использовались теории социального пространства П. Бурдьё, а также исследования М. Бахтина в области практик карнавальности и сетевого общества М. Кастельса.

В качестве исходной модели использовали две оси, вокруг выстраивалось коммуникативное пространство митинга. Первая представляет собой дихотономию «сцена-площадь», вторая – «он-лайн – офф-лайн». При этом необходимо учитывать, что все элементы в обеих оппозициях являются не антагонистами, а пребывают в активном взаимодействии. Именно на эти две ключевые магистрали нанизывает большая часть всех информационных потоков.

При анализе оси «сцена-площадь» показано, что оба элемента в этой связке оказались активными субъектами коммуникациями. При этом происходящее на сцене было доступно лишь той части митингующих, которая находилась сравнительно недалеко. Граница между этими двумя полюсами была разделена двойным ограждением, защищаемым самими организаторами. Информация со сцены приобретала различные оболочки – это и оформление сцены, как таковое, плазменные экраны, выступления ораторов и музыкальные номера, различные перфомансы. Со сцены скандировались лозунги, которые поддерживались, либо не поддерживались публикой. Содержание коммуникации на самой площади, как показало исследование, оказалось намного богаче. Участники активно использовали различную символику, скандировали лозунги, в том числе не санкционированные выступающими, устраивали перфомансы, освистывали неугодных ораторов, использовали плакаты и т.д. В докладе показано также, как расположение различных групп внутри толпы влияло на характер коммуникации площади со сценой.

Взаимодействие по каналу «он-лайн – офф-лайн», как уже говорилось нельзя сводить только к процессу мобилизации граждан для участия в митинге, хотя и сам процесс мобилизации обладает довольно сложной структурой. В докладе обращается внимание на то, что участники митинга по обе стороны металлических ограждений ретранслировали те смыслы, которые сложились интернет-дискурсе, причём это обыгрывание приобретало различные формы пародийности, ретрансляции, получали отображение на плакатах, в лозунгах, речах ораторов и перфомансах. Сами митинги транслировались он-лайн, освещался и обсуждался в реальном времени участниками и сторонними наблюдателями, практически сразу выкладывались фото и видеоматериалы. Таким образом, можно говорить о существовании своего рода «виртуальной толпы», наблюдающей за самим митингом, обсуждавшей его, обсуждающим. Наконец, сам процесс подготовки к митингам породил обширное информационное поле и породил целую сеть медиасобытий. В докладе показаны каналы мобилизации в митинг, проанализированы различные дискурсы, связанные с его подготовкой (инструкции для участников, своего рода «посты-исповеди» в блогах, в которых блоггеры рассказывали, почему они пойдут/не пойдут на митинг, агитационные видео и записи в социальных сетях и блогах.

Выводы. В ходе исследования автор пришёл к выводу о происходящей интеграции публичного пространства митинга и виртуального поля интернет-ресурсов. Так большинство участников были мобилизованы для участия в митинге посредством блогов и социальных сетей, большая часть образов транслированных в ходе митинга, имеет прямые отсылки к интернет-дискурсу. Это же стало одной из причин своего рода «карнавализации» рассматриваемых событий, активном привлечении художественных средств для протеста. Но самый важный, по мнению

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

автора, сдвиг в процессе митинга связан с дублированием митинга в физическом пространстве города виртуальным участием, посредством наблюдения за трансляцией, различными формами солидарности (использование белой ленточки на аватарах и юзерпиках, лайки, обсуждения в сети). Однако взаимодействие митингов и интернет медиа имеет и обратную сторону – рассматриваемые события оказались в центре внимания различных СМИ, интернет-публик, оказывали решающее влияние на повестку дня и становились своеобразными политическими реалити-шоу.

© Коллектив авторов
Дизайн Лазебная К.
Фото:
[Анна Мальцева](#)
[elena21alex](#)

